

in high school. The study tested this hypothesis as well as a series of “naive” students’ explanations about possible reasons for the decline of trust. In a sample of 1290 students it was found that a college education affects the level of trust, but not because of “intellectual development”. Main factor is the perception of the quality of the curriculum. Other factors are student career aspirations and personal assessment of readiness for professional work.

Keywords: science education, trust in science, student intellectual development.

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЕРОФЕЕВА

аспирант факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
старший научный сотрудник
Центра социологических исследований при ИОН РАНХиГС,
старший научный сотрудник Международного центра
современной социологической теории при МВШСЭН,
Санкт-Петербург, Москва, Россия;
e-mail: malutcacnos@gmail.com

Люди и/или технологии? Релевантность материальных объектов в повседневном взаимодействии⁸

Рассматриваются последствия «поворота к материальному» для микросоциологии: необходимость учитывать активность многочисленных технологий, которые присутствуют в повседневном взаимодействии. Какие материальные объекты определяют специфику интеракции? С помощью теории фреймов и акторно-сетевой теории разрабатывается алгоритм решения поставленной проблемы, основанный на понятии компетенции. Компетенция определяется как способность удерживать фокус внимания на основном предмете деятельности. Итоговый механизм включает в себя понятие компетентностного режима и закономерности, описывающие распределение компетенции между человеческими и не-человеческими акторами (закон убывающей компетенции, принцип экономии ресурсов). В заключение определяются шаги эмпирического исследования релевантности материальных объектов во взаимодействии.

Ключевые слова: поворот к материальному, теория фреймов, акторно-сетевая теория, компетенция, компетентностный режим, вовлеченность, транспонирование, дистанция, опосредованное взаимодействие.

Введение: от социологии повседневности к микросоциологии технологий

В последнем десятилетии в отечественной социологии появилось большое количество публикаций, посвященных проблематике материальности. Вышли в свет

⁸ Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы «Между виртуализацией и материализацией: эпистемологическая реконфигурация в современной социологической теории» (2015, ЦСИ РАНХиГС).

тематические сборники и специальные выпуски журналов. В социологии «поворот к материальному» имел действительно революционные последствия — необходимость переопределить предмет исследования с учетом активной природы материальных объектов (Ерофеева, 2015). В статье мы сконцентрируемся на последствиях поворота к материальному в области микросоциологии, чтобы показать, как технологии становятся неотъемлемым элементом любого микросоциологического анализа.

В результате поворота к материальному проблематизируется центральная категория микросоциологии — «социальная ситуация», понятая как физическое соприсутствие двух и более индивидов. Бурное развитие коммуникационных технологий создает большое количество ситуаций, в которых взаимодействие «телом к телу» не является конститутивным элементом. Еще важнее, что внимание к материальным объектам как к необходимой составляющей социальной жизни побуждает представлять любое взаимодействие в качестве опосредованного. Даже в ситуации телесного соприсутствия люди, как правило, оперируют огромным количеством материальных предметов, соединяющих данное событие с множеством событий за его пределами. Когда дети кружатся на карусели, способ их взаимодействия во многом определяется ее технологической конструкцией, которая была придумана, спроектирована и протестирована задолго до этого момента (Pinch, 2010).

Практически любое повседневное взаимодействие сегодня осуществляется с участием большого числа технологий, понимаемых как в буквальном, так и в метафорическом смысле (Константинова, 2015). Поэтому микросоциологи все еще пребывают в недоумении, на что им теперь обращать внимание: на смартфоны в руках беседующих людей, или на архитектуру здания, в котором происходит взаимодействие, или на всю поддерживающую интеракцию инфраструктуру (транспортную или банковскую)⁹? Слишком много материальных объектов одновременно присутствует во взаимодействии, и микросоциологи начинают описывать социальные практики «как до отказа забитые материальностью» (Вахштайн, 2015: 24).

Проблема усугубляется тем, что материальные объекты не существуют сами по себе, а одновременно делают присутствующими элементы, которые непосредственно не находятся в ситуации взаимодействия. В примере Латюра для мыши, которая попадает в мышеловку в его доме, данное событие создано работой корейских рабочих, французских продавцов, древесины с горы, альпийского сыра, его собственного предшествующего действия, делегированного мышеловке (Latour, 1997: 182). Попробуйте мысленно проследить все связи, которые уходят от вашего мобильного телефона через пространство и время, и перед вашим взором появится объект, окруженный расходящимися во все стороны линиями. Если задача

---

⁹ Интерес исследователей к определенным проявлениям технологий в социальном мире формирует несколько направлений их анализа. Отдельные технологические устройства (ксероксы, компьютеры, банкоматы) попадают в сферу внимания исследователей особого вида коммуникации: между машиной и человеком (human computer interaction). То, как влияет устройство окружающего пространства на взаимодействие, стало предметом анализа в социологии архитектуры и городских исследованиях (urban studies). Интерес к технологии как инфраструктуре, по мнению А. Кузнецова (доклад «Об истории колонизации “техники” социологией научного знания в STS» на 8 научной конференции ЕУСПб «ВДНХ» 8 ноября 2014 года), отличает акторно-сетевой подход (actor-network theory) от социального конструирования технологий (social construction of technology), где рассматривается история отдельных технологических объектов (велосипедов, лампочек, пластмассы).

исследователя заключается в том, чтобы показать, какую роль играют участники взаимодействия, в том числе материальные объекты, в этом взаимодействии, когда следует остановиться в отслеживании этих связей?

Необходимость учитывать активность материальных объектов приводит к вопросу о том, какие из них являются конститутивными для социального взаимодействия. Очевидно, что *не все* потенциально прослеживаемые связи имеют значение для настоящей ситуации. И. Гофман пишет: «Теоретически, к примеру, происхождение стула можно отследить вплоть до лесного дерева, из которого была получена поделочная древесина, но это дерево не выращивалось для того, чтобы сделать именно этот стул. И уж, наверное, его не покупали в определенном магазине, чтобы обеспечить конкретного участника деловой встречи. Но если в нем есть «жучок» для прослушивания, то при исследовании происхождения стула, скорее всего, обнаружатся свидетельства *нарушения несвязанности событий*, то есть станет ясно, почему данное сиденье оснащено “жучком”» (Гофман, 2004: 376; курсив. — М. Е.). Помимо того, что некоторые взаимодействия связаны с некоторыми другими, они при этом *не связаны* со всеми остальными. Эта характеристика в теории социальных событий получила наименование избирательной связности (Филиппов, 2004).

Факт избирательной связности событий предполагает, что не все, что находится в данный момент в ситуации, имеет значение для текущего взаимодействия. Из этого следует, что, во-первых, происхождение присутствующих в ситуации материальных объектов, а также биографии участников не всегда имеют отношение к тому, что непосредственно происходит. Во-вторых, материальные составляющие взаимодействия в одних случаях будут играть решающую роль, в других — не будут играть вообще никакой роли. Согласно Латуру, материальные объекты распространяют взаимодействие не только в пространстве и времени, но и в актантном измерении. Это означает, что в любом объекте в свернутом виде всегда присутствуют отношения с его создателями. Взаимодействуя с материальным предметом, мы одновременно взаимодействуем и с ними. «Подобно пастуху, все, что я должен сделать, — это делегировать деревянному забору задачу сдерживания моего стада — только тогда я могу пойти поспать рядом со своей собакой. Кто действует, пока я сплю? Я, плотники и забор» (Латур, 2007: 92). В данном случае очевидно, какую функцию выполняет забор. Однако его внешний вид не имеет значения для взаимодействия. Ситуация изменится, если мы мысленно перенесем пастбище в национальный парк.

Поворот к материальному еще раз заставляет интеракционистов признать наличие в социальных ситуациях того, что не рождается самим этим взаимодействием, на этот раз с акцентом на материальных объектах. В то же время он может увести к другой крайности: представлению о том, что все, что присутствует в ситуации, имеет непосредственное влияние на то, что в этой ситуации происходит. В этой связи нам кажется продуктивным использовать введенное Гофманом различие между *ситуационным* (situational) и *включенным в ситуацию* (situated) (Гофман, 2014). Последнее понятие маркирует совокупность объектов, которые находятся в ситуации и могут даже оказывать на нее формирующее воздействие, но не определяют специфику конкретного взаимодействия. Она определяется ситуационными элементами.

В «Порядке взаимодействия» Гофман напоминает, что «зависимость интерактивной активности от того, что находится вне взаимодействия, — факт, которым обычно пренебрегают те из нас, кто фокусируется на отношениях лицом к лицу, — сама по себе не означает зависимости от социальных структур» (Гофман, 2014: 187–188).

Мы можем распространить это утверждение на материальный контекст взаимодействия. Наличие объектов, выступающих физическими условиями возможности взаимодействия, не выражает их определяющей роли. В каждом случае необходимо решить, какие материальные объекты являются конститутивными для социального взаимодействия. Ниже мы предлагаем алгоритм решения данной проблемы, основанный на совмещении некоторых положений теории фреймов (И. Гофман) с элементами акторно-сетевой теории (Б. Латур, М. Каллон).

Разумеется, существуют события, которые невозможно не наблюдать; они обладают, по выражению В. Вахштайна, принудительной релевантностью (Вахштайн, 2011a). Они, как правило, связаны с физической поломкой материальных объектов, в результате которых последние перестают «вести» себя так, как им полагается. Хотя существование таких «абсолютных событий» не вызывает сомнения, большая часть повседневной жизни состоит из повторяющихся предсказуемых ситуаций: «...формы жизни лицом к лицу приобретают гладкость благодаря их постоянному повторению участниками, которые во многих отношениях непохожи, но должны быстро достигать рабочего взаимопонимания» (Гофман, 2014: 181). Далее мы хотим сконцентрироваться на том, что определяет релевантность материальных объектов в тех ситуациях, когда они нормально функционируют.

Внимательные люди — компетентные технологии

Как следствие переопределения понятия «социальная ситуация» в результате поворота к материальному, любое взаимодействие рассматривается как опосредованное. Опосредование понимается Гофманом как редукция «первичной реальной вещи» — полнотелесной интеракции (Гофман, 2014: 166). И хотя в медиированных средах понятие физического соприсутствия заменяется ответным присутствием (Knorr Cetina, 2009), очевидно, что здесь имеют место систематические трансформации, как при транспонировании¹⁰. Согласно Гофману, ядром социальной жизни является когнитивное отношение участников к той деятельности, которая разворачивается перед ними (Гофман, 2014: 168). Не будь этого отношения, осмысленная организация деятельности и координация действий участников были бы невозможны. Базовым элементом этого отношения является способность удерживать внимание на том, что является основным содержанием фреймированной активности¹¹.

---

¹⁰ Транспонирование (в переводе на русский язык «переключение») в теории фреймов — это процесс систематической трансформации деятельности в результате ее осмысления в другом регистре, или «ключе» (игра, релетиция, церемония и т.д.). Например, игра в «дочки-матери» — это транспонирование реального взаимодействия матери и ребенка. Подробнее см.: Гофман, 2004: 101–144.

¹¹ Согласно Гофману, человеческая деятельность регулируется фреймами, которые содержат в себе нормативные предписания о том, на что должен быть направлен фокус внимания и как себя следует вести тем или иным участникам. Фреймированное взаимодействие, следовательно, это такая форма активности, в которой все участники играют предписанные им фреймом роли. Например, студенты не прерывают лектора, а дают данной коммуникации существовать в монологической форме. Точно так же и объекты занимают положенные им места и ведут себя предсказуемо (точки расставляются над *i*, роля «случайно» обнаруживается в кустах и т.д.).

Это непростая задача: «В порядке взаимодействия сосредоточенность и вовлеченность участников — хотя бы только на уровне внимания — всегда имеет ключевое значение, а эти когнитивные состояния нельзя поддерживать в течение длительного времени или многократно испытывать на прочность принудительными отклонениями и прерываниями» (Гофман, 2014: 168)¹².

Когда взаимодействие является редуцированным, удерживать фокус внимания становится еще сложнее. Возьмем, к примеру, электронную почту. В разговоре лицом к лицу заданный вопрос предполагает практически моментальный ответ (Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015). Если вопрос задан по электронной почте, может пройти значительное время до получения ответа или письмо и вовсе может остаться без ответа. В последнем случае технология не справляется с делегированной ей задачей создания пространства ответного присутствия. В акторно-сетевой теории удержание фокуса внимания — заслуга не только людей, но и не-человеческих актантов. Проблема заключается в том, что масштаб их действия ограничен. Так, воспетый Латуром дверной доводчик в «Палате кож» успешно выполняет работу по открыванию/закрыванию двери, но оказывается бесполезен в решении задачи, как добраться до здания, чтобы эту дверь открыть (Латур, 2006а). В нашем примере электронное письмо совершенно не способно помочь людям на него ответить.

В теории фреймов способность удерживать внимание на том, что происходит, обеспечивает осмысленную организацию деятельности. В акторно-сетевой теории (ANT) действие определяется по его эффекту, а предшествует ему абстрактная способность к действию (компетенция), которая распределена в ситуации между актантами разной природы¹³. Следовательно, способность фокусировать внимание есть выражение компетенции на языке ANT. Однако компетенция не является чем-то, что присуще только человеку. Более того, люди не способны вынести ни одного обоснованного решения без посредства большого числа технологий. «Даже когда вам предстоит принять решение мировой важности — какой сорт нарезанной ветчины выбрать, — к вашим услугам десятки измерительных инструментов, помогающих вам стать потребителем: этикетки, торговые марки, штрихкоды, система мер и весов, индексы, ценники, каталоги, разговоры с другими покупателями, реклама и т.д.» (Латур, 2014: 293). Латур называет такие информационные подсказки плагинами (от английского *plug in* — «подключать»). Компетенция есть результат подключения к этому оснащению, поэтому это не постоянная, а переменная величина. Все мы являемся компетентными членами общества (Гарфинкель), пока не попробуем собрать настольную лампу по инструкции (Корбут, 2009). Люди могут быть компетентными только временно и локально.

Человек разделяет когнитивные способности со многими другими сущностями. Следовательно, интерпретация ситуации осуществляется не только людьми,

¹² Проблема удержания внимания является актуальной не только для взаимодействий лицом к лицу, но и для макроскопических социальных явлений. О роли сохранения фокуса внимания для производства стоимости в современном обществе см., напр.: Иванов, 2008.

¹³ Эту идею Латур заимствует из нарративной схемы, разработанной Парижской семиотической школой (Напреенко, 2013). Стоит также указать на тот факт, что компетенция предшествует действию, только когда речь идет о стабилизированных сетях. Когда мы имеем дело с неустоявшимися сущностями (посредниками), они сначала проявляют себя, а потом им приписывается компетенция. Таким образом, компетенция циркулирует, подобно чехарде взаимной детерминации действия и структуры в теории структуриации Гидденса.

но и не определяется материальными объектами. Она есть результат их взаимодействия. То, какую роль технологии играют во взаимодействии, в свою очередь определяется их компетенцией. «Когнитивные способности не находятся внутри “вас”, а распределяются по всей форматированной ситуации, которая состоит <...> из множества выстраивающих компетенцию предложений (propositions), множества маленьких интеллектуальных технологий» (Латур, 2014: 295). Фреймы как интерпретативные схемы также не являются чисто когнитивными (в смысле психологическими или социальными) образованиями — они укоренены в самой организации взаимодействия¹⁴. Это позволяет нам рассматривать фреймирование с точки зрения компетенции.

В другом месте (Ерофеева, 2012) мы обратили внимание на то, что интерпретация события и вовлеченность в него являются взаимосвязанными, но не идентичными процессами. В конце концов, можно понимать, что происходит в ситуации, но не участвовать в ней. Уровень вовлеченности в опосредованных взаимодействиях связан с тем, насколько успешно функционируют технические средства, служащие поддержанию фокуса внимания. Если по каким-то причинам опосредующие технологии не справляются со своей задачей, вовлеченность утрачивается, как в примере с электронной почтой. В то же время вовлеченность нельзя сопоставить с субъективным значением, придаваемым ситуации отдельным наблюдателем, потому что вовлеченность также обеспечивает выделение осмысленных отрезков деятельности. События представляются *заинтересованными* наблюдателями как места фокусировки коллективного внимания. Поэтому идея сопоставления вовлеченности с принципами выделения ситуаций из потока деятельности (Ерофеева, 2014) продолжает анализ компетенций удержания внимания.

Рассмотрим, как может быть понята вовлеченность с точки зрения компетенций удержания внимания. Для этого обратимся к классическому тексту М. Каллона о морских гребешках (Callon, 1986). Для того чтобы научное исследование гребешков стало возможным, необходимо участие ряда различных акторов. Они должны быть «завлечены» и «завербованы» в специальную сеть. Каллон описывает такую заинтересованность (*interessement*) в виде треугольника связей: сущность А пытается установить связь с В и при этом ослабить связи В с сущностью С. «Перевод» (*translation*) является условием успеха А, так как А необходимо транслировать свой собственный интерес в интерес другой сущности. В терминах удержания фокуса внимания: сущность А пытается сфокусировать внимание В на том, в чем она заинтересована; для этого ей необходимо перенести фокус внимания В с того, в чем заинтересована сущность С. Равным образом, фреймированная активность предполагает концентрацию на основном действии и одновременное игнорирование побочных линий развертывания действия. Понятие перевода соотносится с понятием фреймирования, распространенным на не-человеческие сущности.

¹⁴ Согласно гофмановскому определению, фрейм можно описать при помощи двух элементов: способа социальной организации событий и субъективной вовлеченности в них (Гофман, 2014: 71). Эта двойственность обосновывается тезисом об «изоморфизме восприятия структуре воспринимаемого» (там же: 86). Фрейм, соответственно, понимается одновременно и как схема интерпретации, и как структура ситуации. Такая трактовка социологии Гофмана развивается В. Вахштайном (Вахштайн, 2011b) и автором данной статьи.

Если переводы успешны и нужные сущности заинтересованы, их можно завербовать (enroll). В случае исследования морских гребешков главными акторами являются сами морские гребешки, рыбаки и другие ученые. Гребешки должны быть заинтересованы, чтобы действовать в соответствии с предсказаниями ученых (чтобы их заинтересовать, ученым необходимо договориться с еще одним актором — течениями). Затем действия гребешков необходимо перенести на бумагу в виде научных отчетов, которые могут быть представлены другим ученым. Если их коллеги будут убеждены представленными результатами, они также окажутся завербованными. При описании переводов Каллон использует такие термины, как вербовка (enrolment), заинтересованность (interessement), обязательные пропускные пункты (obligatory passage points), мобилизация (mobilisation). Что важно зафиксировать здесь, так это то, что акторы осуществляют скоординированные действия посредством того, что они заинтересовывают многих других в одном предмете. Иными словами, они создают и поддерживают единый фокус внимания для множества участников взаимодействия.

Рассмотренный пример позволяет расширить категорию вовлеченности. Она понимается не только как сфокусированность единичного наблюдателя или группы наблюдателей на основной линии деятельности. Она также включает *процессы* выделения событий, которые предполагают *работу* по фокусировке и расфокусировке внимания. Выполнение этой работы означает взаимодействие с различными человеческими и не-человеческими актантами. «Допустим, рыболовы, океанографы, союзники и гребешки могут находиться в каких-то *отношениях* друг с другом, причем это отношения такого рода, что одни *побуждают* других делать неожиданные вещи» (Латур, 2014: 150; курсив. — М. Е.). Наибольшее влияние на успех скоординированной деятельности оказывают сущности, которые сами обладают способностью успешно выполнять работу фокусирования внимания. Поэтому при координации действий люди будут стремиться вступать во взаимодействие с теми не-человеческими сущностями, которые удовлетворяют этому условию. Это означает, что релевантность материальных объектов во взаимодействии можно определить через их компетенцию удержания внимания.

Механизм распределения компетенции в ситуации взаимодействия

Итак, для того чтобы создать фокус общего внимания, в ситуацию вовлекают разные акторы, наделенные разными компетенциями. Компетенции распределены между людьми и не-человеками. Как правило, они распределяются таким образом, что ключевую роль в осуществлении скоординированной деятельности играют либо люди, либо технологии¹⁵. Например, если вы путешествуете на автомобиле и ориентируетесь по бумажной карте, вам приходится самим удерживать внимание на маршруте. В случае, когда вы используете радиоэлектронный навигатор, приятный голос сообщает вам, через сколько метров куда следует повернуть — вы можете вообще не задумываться о том, куда едете. Тогда компетенция по большей

¹⁵ Технологии устроены таким образом, что принцип их использования предполагает либо контроль со стороны человека, либо автономию. Дверь как технология относится к первому типу, тогда как дверной доводчик — ко второму. См.: Латур, 2006а.

части инкорпорирована в технологическое устройство. Большая часть современной техники основана на идее, что любая технология может выполнять определенные действия в среднем лучше, чем человек: «следует всегда полагаться скорее на надежных делегированных не-человеков, чем на недисциплинированных людей» (Латур, 2006а: 219). Если бы это правило было универсальным, можно было бы сказать, что материальные объекты являются релевантными во всех ситуациях, в которых задействована технология.

Однако это не всегда так. Помимо того, что человек сам выбирает *компетентный режим* (грубо говоря, ориентироваться по карте или использовать навигатор), в некоторых взаимодействиях компетенция материальных объектов просто игнорируется. Это часто происходит с письменными инструкциями. Например, когда пользователь сталкивается с электрическим чайником, он распознает его как чайник — прибор для нагревания воды. Интерфейс всех электрических чайников на рынке классический, и пользователь даже при покупке нового чайника может совсем не читать инструкцию, потому что навык пользования этим прибором существует уже на уровне тела. Как замечает Латур: «Инкорпорирование в человеческие тела или “экскорпорирование” в не-человеков — это еще один выбор из числа тех, которые остаются на усмотрение проектировщиков» (там же). Следовательно, технологии не являются релевантными для взаимодействия в следующих случаях: 1) у них недостаточно компетенции; 2) их компетенция игнорируется. Второй вариант, в свою очередь, возможен в двух ситуациях: 1) компетенция технологий дублирует человеческую компетенцию; 2) компетенция данного объекта ниже, чем компетенция другого. Последний случай соответствует описанию вовлеченности как процесса вербовки, осуществленному выше: одни объекты ослабляют связь людей с другими объектами.

Проблема с делегированием технологиям компетенций состоит в том, что однажды усвоенные на телесном уровне навыки людей очень быстро улетучиваются. В результате требуется все больше и больше дополнительных материальных носителей компетенции. Например, если в разговоре лицом к лицу ответить на вопрос тут же это совершенно естественно, то при использовании электронной почты компетенция оперативного реагирования утрачивается. Для того чтобы дождаться ответа, зачастую нужно позвонить и напомнить о письме, то есть задействовать еще одну технологию. Латур описывает этот процесс следующим образом: «...требуется все больше и больше этих выстроенных в ряд фигуративных делегатов. В этом делегаты подобны наркотикам; начинаешь с легких, а заканчиваешь тем, что сидишь на игле. Делегированные персонажи тоже подвергаются инфляции. *Спустя некоторое время их действие ослабевает*» (там же: 218; курсив. — М. Е.). Мы назовем это свойство перевода *законом убывающей компетенции*: делегирование компетенции технологиям постепенно приводит к тому, что их компетенция убывает. Эта особенность связана с феноменом дистанции.

Еще одним значимым элементом теории фреймов, помимо категории вовлеченности, является идея наслоения (layering) фреймовых структур. Она означает, что деятельность может протекать в различных ключах (keys), которые будут существенно влиять на способ ее организации и интерпретации. Переключенная (транспонированная) деятельность по смыслу будет соотноситься с переключаемой и иметь с ней какие-то общие черты. Так, игра в «дочки-матери» в общих чертах воспроизводит реальное взаимодействие между матерью и ребенком. Потенциальное количество таких

наслоений может быть безгранично. Общим правилом можно считать то, что чем более многослойной является деятельность, тем дальше она отстоит от «оригинала». Это означает следующее: чем больше дистанция между первоначальным и транспонированным событиями, тем меньше общих черт будут иметь эти события.

Закон убывающей компетенции тоже связан с дистанцией, однако это дистанция иного рода. В первом случае дистанция подразумевает смысловые преобразования событий. Во втором — удаленность событий в пространстве, времени и актантном измерении. Эти два вида дистанции не являются взаимоисключающими и вполне могут пересекаться. Например, ироничное замечание, написанное в чате, может не быть воспринято, но не только по тем причинам, по которым оно не воспринимается в разговоре лицом к лицу. Ирония — это транспонирование серьезных высказываний. Если она не распознается в разговоре, не преодолевается смысловая дистанция между транспонированными событиями. В разговоре в чате на смысловую дистанцию накладывается дистанция, связанная с редуцированным характером интеракции. Если ирония не распознается там, не преодолеваются оба вида дистанции (именно поэтому можно рассматривать телефонную коммуникацию как транспонированное взаимодействие (Rettie, 2005)). Поскольку любое взаимодействие можно рассматривать как опосредованное, невозможно найти примеры событий, отдаленные друг от друга чисто смысловой дистанцией. Соответственно, можно предположить, что закон убывающей компетенции будет работать и в этом случае.

Распределение компетенции и дистанция связаны следующим образом: чем больше дистанция к первоначальному событию, тем больше требуется компетенция для удержания фокуса внимания. Это следствие того, что компетенции, изначально делегированные технологиям, постепенно утрачиваются, потому что люди начинают их игнорировать (поэтому и светофоры, и знаки скорости уступают дорожным камерам и «лежачим полицейским», материальный эффект действия которых невозможно игнорировать). Постепенность в данном случае обозначает не только временную последовательность, но и общую последовательность трансформации событий (отсюда стремление технологий виртуального общения приблизиться к общению лицом к лицу — например, возможность видеть собеседника при разговоре по скайпу). Утраченные компетенции могут быть восстановлены посредством вовлечения новых технологий или реабилитации агентности старых. Как и во всяком случае с распределением компетенции, выполнение конкретной единичной задачи, требующее сосредоточенного внимания, делегировано преимущественно либо людям, либо вещам.

Таким образом, на данном этапе можно дать ответ на основной вопрос данной статьи: чем определяется релевантность нормально функционирующих материальных объектов во взаимодействии. В самом общем виде он звучит так: она зависит от того, кому делегирована компетентность концентрации внимания на основном предмете деятельности в данном конкретном взаимодействии — людям или нечеловеческим акторам. После того, как этот вопрос решен, нужно смотреть на «треугольники компетенции» (термин, развивающий понятие «треугольник заинтересованности» у Каллона): как соотносится человеческая компетенция с компетенцией предполагаемого релевантного объекта и какие другие объекты могут быть вовлечены в данное взаимодействие. При этом в транспонированных взаимодействиях роль материальных объектов, скорее всего, будет выше, так как они требуют больше компетенции (это связано с феноменом дистанции). Поскольку люди являются многозадачными существами, они вовлекаются сразу в несколько параллельных линий

действия, и задачи сохранения фокуса внимания на конкретных элементах действия делегируются многочисленным технологиям. Транспонированное взаимодействие предполагает задействование большого количества технологий.

Мы кратко обрисовали механизм, определяющий релевантность материальных объектов во взаимодействии с точки зрения компетенции. Он основан на первичном разделении компетенции между людьми и не-человеческими акторами. Чем сложнее интеракция (чем больше она включает слоев), тем большее значение имеют материальные объекты. Однако остается непонятным, что определяет компетентностный режим в целом. Как мы установили, компетенция технологий может игнорироваться, если она уступает компетенции других акторов. Но что значит утверждение, что чья-то компетенция больше или меньше? Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратимся к теории релевантности, заимствованной из когнитивной прагматики (Sperber, Wilson, 1995). Авторы подхода Д. Уилсон и Д. Спербер указывают на то, что релевантными являются не только высказывания или действия, но и *любые другие элементы, способствующие успешной коммуникации*. Коммуникативная эффективность лежит в основании стремления к максимизации релевантности¹⁶.

Релевантным для индивида является то, что обеспечивает положительный когнитивный эффект (к примеру, понимание). Если распространить эту теорию на сферу социального действия, релевантным будет полагаться то, что способствует успешному действию или коммуникации. Принцип релевантности основан на соотношении когнитивных эффектов и усилий, затрачиваемых на обработку информации. В сфере социального действия это означает максимально успешную интеракцию при минимальных издержках на ее достижение. Соответственно, при оценке удельного вклада чьей-то компетенции для взаимодействия на первый план выходит *принцип экономии ресурсов*. Общее правило можно сформулировать следующим образом: чем меньше усилий требуется актору для поддержания должного фокуса внимания на основном предмете деятельности, тем скорее он будет определять текущий компетентностный режим. Это правило работает с небольшими оговорками. Во-первых, уровень сфокусированности внимания должен восприниматься участниками как достаточный. Во-вторых, в ситуациях, когда фокус внимания не один, должен быть найден компромисс распределения вовлеченности между разными линиями действий при минимальных издержках.

Поясним работу этого принципа на примере одного из недавних исследований в области фрейм-анализа (Кловайт, 2015). Как показывает Н. Кловайт, в технологически опосредованных взаимодействиях индивид предстает в качестве лишенного части своей интерактивной компетенции (автономии). Эта нехватка компенсируется теми средствами, под которые «заточена» технология. Например, в разговоре в чате звук передается с помощью письма. Для того чтобы корректно интерпретировать эти транспонированные сообщения, необходимы конвенции, определяющие, что в транспонированном взаимодействии будет соответствовать элементам взаимодействия лицом к лицу. Равным образом, если мы хотим записать ноты с помощью букв, необходима специальная система обозначения. Автор демонстрирует, что в современном мире меняется способ компенсации интерактивной компетенции

---

¹⁶ Вопрос о том, что такое успешная коммуникация, требует отдельного обсуждения. См., напр.: Луман, 2000. Также за пределы данной работы выходит вопрос, почему эффективность становится главным критерием оценки. См.: Лиотар, 1998.

взаимодействующих. Поскольку выработка конвенций требует больше ресурсов, чем подключение дополнительных технологических каналов, предпочтение отдается гибридам — например, включение в текст смайликов, изображений, аудио и видео.

На примере цитируемого исследования видно, как определяется компетентностный режим. Делегирование части компетенции по удержанию внимания материальным объектам, вызванное развитием коммуникационных технологий, требует все больше компетенции для совершения взаимодействия — работает закон убывающей компетенции. Она может быть восполнена усилиями преимущественно либо людей, либо не-человеческих акторов. Человеческие усилия заключаются в выработке конвенций, связывающих транспонированные и нетранспонированные взаимодействия. Чем больше дистанция к первоначальному событию, чем сложнее должны быть такие конвенции, то есть тем больше человеческой компетенции требуется. В то же время делегирование компетенции множеству маленьких технологий осуществляется в разы быстрее и проще. Поэтому в большинстве случаев опосредованного взаимодействия компетентностный режим определяется материальными объектами — работает принцип экономии ресурсов.

Когда компетентностный режим объектный, на первый план выходят *отношения* между различными объектами. Здесь тоже работает принцип экономии ресурсов. Для наглядности рассмотрим это на примере использования QR-кодов в городской среде. Почему такие ссылки зачастую оказываются нерелевантными для организации взаимодействия? QR-коды неэффективны, потому что для их расшифровки требуется некоторое дополнительное устройство (телефон или планшет), дополнительный носитель компетенции. Воспользоваться им не всегда представляется возможным (например, управляя машиной) или даже просто лень (телефон глубоко закопан в бездонной дамской сумочке). Основная проблема QR-кода — заставить человека его дешифровать и перейти по содержащейся в нем ссылке. Если учесть, что у жителей мегаполисов, где эта технология применяется, развивается «рекламная слепота» и они просто игнорируют надписи на рекламных баннерах, заинтересовать человека достать телефон и перейти по QR-коду — задача невероятно сложная. QR-коды не способны вовлечь достаточное число акторов для поддержания единого фокуса внимания, то есть они обладают низкой компетенцией.

В то же время существуют другие устройства, к которым подключиться значительно легче, чтобы выполнить ту же работу. Гораздо проще ввести в поисковую строку браузера несколько ключевых слов, чем распознать QR-код. Это происходит потому, что дополнительных носителей компетенции задействовано меньше: все еще нужно иметь устройство с выходом в Интернет, но не нужно устанавливать специальную программу для распознавания. Компетенция, к примеру, смартфона покрывает компетенцию QR-кода, поэтому последний оказывается нерелевантен. Более того, она превышает ее и в случаях, когда воспользоваться телефоном на месте не получается или не хочется. Если, например, обычная ссылка на сайт будет часто встречаться на разных рекламных щитах, человек неосознанно может ее запомнить (или запомнить, по крайней мере, ключевые слова рекламного объявления) и вспомнить о ней в ситуации, когда услуги рекламируемой фирмы будут востребованы. С QR-кодом такое уже не работает. Релевантность материального объекта во взаимодействии при объектном компетентностном режиме определяется его соотношением с компетенциями других объектов, оцениваемом как величина усилий, необходимых для выполнения действия.

Выводы

Мы пытались ответить на вопрос, что определяет релевантность нормально функционирующих материальных объектов в повседневном взаимодействии. Мы предложили алгоритм решения этой проблемы с помощью аналитических ресурсов теории фреймов и акторно-сетевой теории.

В теории фреймов релевантными считаются те объекты, которые способствуют фокусировке внимания на едином предмете. Это делает возможной осмысленную деятельность. С точки зрения акторно-сетевой теории способность концентрировать внимание является выражением компетенции. Компетенция не имеет ни чисто психологическую, ни чисто социальную природу; она распределена между человеческими и не-человеческими акторами. Поскольку понятие фрейма также не является сугубо когнитивным, далее мы рассматриваем фреймирование через призму распределения компетенции. Для этого мы работаем с ключевыми категориями фрейм-анализа: вовлеченностью и транспонированием (многослойностью деятельности).

Мы сопоставляем категорию вовлеченности с принципами выделения ситуаций из потока деятельности. Фокусировка коллективного внимания на едином предмете предполагает процессы вовлечения многочисленных участников, каждый из которых обладает определенной степенью компетенции по удержанию внимания. Вовлеченность — это не готовая сфокусированность на чем-то, а процесс налаживания и ослабления отношений заинтересованности в различных линиях развертывания действия (треугольник заинтересованности). Релевантной для взаимодействия является та технология, компетенция удержания внимания которой является высокой.

Компетенции распределяются между людьми и не-человеками, как правило, по преимущественному принципу. Мы вводим понятие компетентностного режима, для того чтобы обозначить, кому в данном взаимодействии делегирована способность сосредоточивать внимание. Компетенция материальных объектов игнорируется, когда она 1) недостаточно велика; 2) дублирует человеческую компетенцию; 3) уступает компетенции других объектов (отношения между ними составляют треугольники компетенции).

Делегирование компетенции технологиям постепенно приводит к тому, что их компетенция убывает — данный принцип мы назвали законом убывающей компетенции. Он связан с многослойностью деятельности, которая описывается второй центральной категорией фрейм-анализа — транспонированием. Под транспонированием понимается систематическая трансформация деятельности, вызванная его смысловой, пространственно-временной или актантной удаленностью от «оригинала». Чем больше дистанция до первоначального события, тем больше компетенции требуется для удержания внимания. Поэтому в общем случае транспонированная деятельность предполагает большую релевантность материальных объектов. В целом же она зависит от текущего компетентностного режима. Выбор того или иного режима, в свою очередь, определяется принципом экономии ресурсов: чем меньше усилий требуется определенному актору для поддержания должного фокуса внимания, тем скорее он будет определять компетентностный режим. Поэтому модель эмпирического исследования релевантности материальных объектов во взаимодействии предполагает следующие шаги: 1) определение компетентностного режима; 2) изучение треугольников компетенции.

Литература

Вахштайн В. С. На краю привычного мира: события и их фреймы // Социологическое обозрение. 2011а. Т. 10. № 3. С. 79–94 [*Vakhshstayn V. S.* Na krayu privychnogo mira: sobytiya i ikh freymy // *Sotsiologicheskoye obozreniye*. 2011а. Т. 10. № 3. С. 79–94].

Вахштайн В. С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2011б. 334 с. [*Vakhshstayn V. S.* *Sotsiologiya povsednevnosti i teoriya freymov*. SPb.: Izd-vo Yevropeyskogo un-ta v SPb, 2011b. 334 s.].

Вахштайн В. С. Три «поворота к материальному» // Антропологический форум. 2015. Т. 24. С. 22–37 [*Vakhshstayn V. S.* Tri «povorota k material'nomu» // *Antropologicheskiy forum*. 2015. Т. 24. С. 22–37].

Гофман И. Анализ фреймов: эссе по организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН; Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 752 с. [*Gofman I.* *Analiz freymov: esse po organizatsii povsednevnoy opyta*. M.: Institut sotsiologii RAN; Institut Fonda «Obshchestvennoye mneniye», 2004. 752 s.].

Гофман И. Порядок взаимодействия // Социология власти. 2014. № 1. С. 163–199 [*Gofman I.* *Poryadok vzaimodeystviya* // *Sotsiologiya vlasti*. 2014. № 1. С. 163–199].

Ерофеева М. А. Акторно-сетевая теория как методологический проект // Антропологический форум. 2015. Т. 24. С. 43–50 [*Yerofeyeva M. A.* *Aktorno-setevaya teoriya kak metodologicheskiy proyekt* // *Antropologicheskiy forum*. 2015. Т. 24. С. 43–50].

Ерофеева М. А. Осадок смысла: следствия феноменологической трансформации теории действия в теории фреймов // Социология власти. 2014. № 1. С. 31–49 [*Yerofeyeva M. A.* *Osadok smysla: sledstviya fenomenologicheskoy transformatsii teorii deystviya v teorii freymov* // *Sotsiologiya vlasti*. 2014. № 1. С. 31–49].

Ерофеева М. А. Фрейм-аналитическая модель коммуникации: возможности и ограничения // Социология власти. 2012. № 8. С. 36–49 [*Yerofeyeva M. A.* *Freym-analiticheskaya model' kommunikatsii: vozmozhnosti i ogranicheniya* // *Sotsiologiya vlasti*. 2012. № 8. С. 36–49].

Иванов Д. В. Глэм-капитализм. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. 176 с. [*Ivanov D. V.* *Glem-kapitalizm*. SPb.: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2008. 176 s.].

Кловайт Н. Конститутивные эффекты технологических фреймов в повседневном взаимодействии // Социология власти. 2015. № 1. С. 166–180 [*Klovayt N.* *Konstitutivnyye efekty tekhnologicheskikh freymov v povsednevnom vzaimodeystvii* // *Sotsiologiya vlasti*. 2015. № 1. С. 166–180].

Константинова М. В. Метонимический поворот. Социология вещей против социологии технологий // Социология власти. 2015. № 1. С. 90–107. [*Konstantinova M. V.* *Metonimicheskiy povrot. Sotsiologiya veshchey protiv sotsiologii tekhnologiy* // *Sotsiologiya vlasti*. 2015. № 1. С. 90–107].

Корбут А. М. На что можно указать пальцем? Фрейм, практика, вещь и кое-что еще // Социологическое обозрение 2009. Т. 8. № 1. С. 71–85 [*Korbut A. M.* *Na chto mozhno ukazat' pal'tsem? Freym, praktika, veshch' i koye-chto yeshche* // *Sotsiologicheskoye obozreniye* Т. 8. 2009. № 1. С. 71–85].

Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей: Сборник статей / под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006а. С. 199–222 [*Latur B.* *Gde nedostayushchaya massa? Sotsiologiya odnoy dveri* // *Sotsiologiya veshchey: Sbornik statey / pod red. V. Vakhshstayna*. M.: Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego», 2006а. С. 199–222].

Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2006б. 296 с. [*Latur B.* *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii*. SPb.: Izd-vo Yevropeyskogo un-ta v SPb., 2006b. 296 s.].

Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 79–96 [*Latur B.* *Ob interob'yektivnosti* // *Sotsiologicheskoye obozreniye*. 2007. Т. 6. № 2. С. 79–96].

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 382 с. [*Latur B.* *Peresboroka sotsial'nogo: vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu*. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2014. 382 s.].

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с. [*Liotar Zh.-F. Sostoyaniye postmoderna. M.: Institut eksperimental'noy sotsiologii; SPb.: Aleteya, 1998. 288 s.*].

Луман Н. Невероятность коммуникации // Проблемы теоретической социологии. Вып 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000 [*Luman N. Neveroyatnost' kommunikatsii // Problemy teoreticheskoy sotsiologii. Vyp 3. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2000*]

Напреенко И. В. Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 75–98. [*Napreyenko I. V. Semioteskiy povorot v STS: teoriya referenta Bruno Latura // Sotsiologiya vlasti. 2013. № 1–2. S. 75–98*].

Сакс Х., Шеглофф Э., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 142–202 [*Saks Kh., Shchegloff E., Dzhefferson G. Prosteyschaya sistematika organizatsii ocherednosti v razgovore // Sotsiologicheskoye obozreniye. 2015. T. 14. № 1. S. 142–202*].

Филиппов А. Ф. К теории социальных событий // Логос. 2004. № 5 (44). С. 3–28 [*Filipov A. F. K teorii sotsial'nykh sobytiy // Logos. 2004. № 5. (44). S. 3–28*].

Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay // Power, Action, and Belief: A New Sociology of Knowledge? / ed. by John Law. L.: Routledge, 1986. P. 196–223.

Knorr Cetina K. The Synthetic Situation: Interactionism for a Global World // Symbolic Interaction. 2009. Vol. 32. № 1. P. 61–87.

Latour B. Trains of thought: Piaget, formalism and the fifth dimension // Common knowledge. 1997. № 6/3. P. 170–191.

Pinch T. The Invisible Technologies of Goffman's Sociology: From the Merry-Go-Round to the Internet // Technology and Culture. 2010. Vol. 51. № 2. Pp. 409–424.

Rettie R. Presence and Embodiment in Mobile Phone Communication // PsychNology Journal. 2005. Vol. 3. № 1. P. 16–34.

Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 1995. 338 p.

People and/or technologies? The relevance of material objects for everyday interaction

MARIA A. EROFEEVA

Senior research fellow of the Center for Sociological Research of RANEPА,
Senior research fellow of the International Center for Contemporary Social Theory, MSSES,
St Petersburg, Moscow, Russia;
e-mail: malutcacnos@gmail.com

The article touches upon the consequences of the “material turn” for microsociology: the necessity to take into account the agency of numerous technologies that are part of everyday interaction. The author's query is which material objects determine characteristic aspects of interaction. Based on frame analysis and actor-network theory the author solves the problem using the notion of competence. Competence is defined as a capacity to focus attention on the main line of everyday activity. The final pattern includes the notion of competence regime and common factors of the competence distribution in a situation between humans and non-humans. In conclusion the author proposes steps for empirical analysis of the material objects' relevance in interaction.

Keywords: material turn, frame analysis, actor-network theory, competence, competence regime, involvement, transposition, distance, mediated communication.